

В «Ура Линде» этот же мотив присутствует в виде мифа о трёх праматерях — Лиде, Финде и Фрейе. Пересказывать его нет смысла: такие мифы всегда одинаковы, от книги Бытия (Яфет, Сим и Хам) до щедринской сказки «Орёл-меценат». Ссылки на разное происхождение совершенных «людей Фрейи» и изначально испорченных «людей Финды» далее не сходят со страниц как самой «Ура Линды», так и рассуждений Вирта на её тему.

III.3. «Генетическая память»

Если пассионарность — наследственное свойство, естественно задать вопрос о механизмах наследственности. В XX веке уже было известно, что это — гены. Поэтому остаётся допустить «генетическую память» как способ передачи культурной информации. Гумилёв так и поступает:

«Очень сильно сказывается на культуре временной момент, момент памяти — памяти генетической, памяти традиционной — памяти прежних культур, т.е. наличие в новой культуре рудиментов, которые были для созданной заново культурной системы субстратами, исходными элементами» (Гумилёв 1990: 112, выделено мной — Л. М.).

Розенберг о генах не пишет, но основной миф современности прямо определяет как «миф крови»: «Сегодня, однако, просыпается новая вера: миф крови, вера, вместе с кровью обосновывающая и божественную сущность человека. Воплощённая с самым светлым знанием вера, что северная кровь представляет ту мистерию, которая заменила и превзошла старые таинства» (Rosenberg 1934: 114). Эта «кровь» и должна, по его мнению, быть носителем наследственных качеств. Анализу она не подлежит, ведь автор — мистик! Правда, на сей раз он отступает от своего обычая и даёт ссылку на авторство: «Отлично раскрывает проблему единых с природой германцев Дарре в работе “Крестьянство как первоисточник нордической расы”» (Rosenberg 1934: 86, сноска).

Здесь надо слегка отвлечься, чтобы рассказать об этой фигуре. Рихард Вальтер Даррэ (1895—1953, судя по фамилии — потомок эмигрировавших в Пруссию гугенотов), как и Розенберг, был «фольксдойче», родившимся в Буэнос-Айресе. Дослужился он до обергруппенфюрера (генерала) СС и с 1929 г. стал «рейхсфюрером крестьян» (Reichsbauernführer), с 1933 г. — министром продовольствия и сельского хозяйства, автором концепции «крови и почвы», оказавшим огромное влияние на формирование взглядов Г. Гиммлера (Колчинский 2007: 367, 474, 483). При этом Дарре, «хотя и подписывался под большинством нацистских мифов, был одним из немногих партийных лидеров, профессионально знавших область своей деятельности», и даже был «незаурядным специалистом-аграрником с соответствующим университетским дипломом» (Ширер 1991 {1960}: 296—297) — что, как мы знаем, в нацистской верхушке было исключением. Видимо, для своих кругов он оказался «слишком умным», так как уже в 1942 г. покинул пост. Сверх того, он был шефом Центрального управления СС по вопросам расы и переселения (ЭТР 1996). Конфликт с ним стал одной из причин внезапной смерти от инфаркта Эрвина Баура (Колчинский 2007: 346) — крупнейшего из основоположников нацистской евгеники, стремившегося, однако, удержаться в рамках научности.

О характере его трудов («по вопросам расовой доктрины, марксизма и сельского хозяйства» — ЭТР 1996) говорит, в частности, следующее. В работе 1933 г. «Свинья как критерий для нордических народов и семитов» Дарре исходит из известного и даже банального факта: кочевники не разводят свиней, поскольку те не выдерживают перекочёвки, да и пищи им ни в степи, ни в пустыне не найти. Свиноводство — признак оседлого земледелия. Но отсюда Дарре делает вывод, что запрет на свинину, до сих пор сохраняющийся у семитских и тюркских народов, — это *генетическое воспоминание* о слабости позиций южан, перешедших к кочеванию, перед оседлыми северянами. Поэтому «речь идёт о связи между определёнными народами или человеческими расами, с одной стороны, и определёнными домашними животными, с другой», и автор предлагает считать свинью и других домашних животных *биологическим* индикатором (см.: Awdejew 2005). Характерно, что вопросы культуры и даже биологии человека Дарре решал на основе сферы, которая ему была ближе: высшая раса — та, что разводит свиней.

Поскольку вся книга Розенберга основана на ценностном анализе, поддержка Дарре в этом пункте означает защиту традиционных крестьянских ценностей. Этому не мешает даже то, что личный опыт у автора мог быть лишь на родине — в Прибалтике, где крестьяне не были немцами, о последних же он мог знать скорее по идеализированным описаниям истинно-немецких «пеизанов». Что же касается генетики, то здесь ему явно не хватило элементарных биологических знаний — хотя бы на уровне своего времени.

Однако задумаемся: в чём *смысл* рассуждений о «генетической памяти»? Ведь гены — это и так по определению матрицы, кодирующие наследственную информацию. Стало быть, само выражение «генетическая память» — тавтология. Если же оно употребляется в небиологической литературе, то обычно затем, чтобы объявить «генетической» передачу в поколениях любого излюбленного свойства.

Различие здесь такое же, как между нейрофизиологией и френологией. Как известно, основоположник френологии Ф. Галль выдвинул идею существования в головном мозгу специализированных центров, и в этом его научная заслуга. Но сам он искал «центр красноречия», «центр любви к детям», «шишку юмора» и тому подобные романтические фикции. В наши дни существуют уже весьма подробные карты коры головного мозга. Её центры оказались совсем другого уровня: центр зрения, обоняния, осязания, зона поверхностной чувствительности, двигательная зона... Что же до тех высших психических проявлений, которые наносил на свою карту Галль, они оказались функциями всего мозга (точнее, результатами сложного взаимодействия многих его центров). Кроме того, мозг оказался довольно пластичен. Наблюдения над контуженными бойцами, у которых были повреждены отдельные участки мозга, показали, что в ряде случаев их роль способны брать на себя соседние центры.

То же относится и к наследственности. Во-первых, некоторые признаки кодируются целым рядом генов. Во-вторых, эти признаки — совсем иного уровня. Известны гены, кодирующие выработку определённых ферментов, но до сих пор не найден «ген жадности» или «ген коварства». Всё это — чисто спекулятивные рассуждения на уровне Ф. Галля.

Способны ли гены кодировать черты этнической психологии? Ведь именно это нужно, чтобы признать её биологической чертой. Казалось бы, да: темперамент за-

висит от общего эмоционального фона, тот, в свою очередь, — от уровня обмена веществ, а тот — от тканевых ферментов, синтезируемых в клеточных ядрах на матрице РНК. Таким образом, горячность южан или хладнокровие северян вроде бы можно считать наследственно обусловленным. Но, раз уж зашла речь о немцах, спросим: а каковы вообще типичные свойства немецкого характера? Иными словами, существует ли вообще особый «немецкий психологический тип», безотносительно к месту и времени?

На этот счёт существуют давние этнические стереотипы. Ещё в *«Разговорах запросто»* Эразма Роттердамского немецкие гостиницы отличаются от французских, как хлев от современного отеля: там пьют без меры, сквернословят и расчёсываются «немецким гребешком» (то есть пятернёй), а на все претензии отвечают стереотипно: не нравится — катись. Образ немца в XVIII веке — это «Михель», живущий растительной жизнью, тупой, равнодушный и мелочно-сентиментальный, находящий удовольствие в том, чтобы пресмыкаться перед своим князьком и видеть в нём подобие Короля-Солнца. Для начала XIX в. это юный романтик, которого напоминает Ленский:

Красавец, в полном цвете лет,
Поклонник Канта и поэт.
Он из Германии туманной
Привез учёности плоды:
Вольнолюбивые мечты,
Дух пылкий и довольно странный,
Всегда восторженную речь
И кудри чёрные до плеч.

А. С. Пушкин. Евгений Онегин, II, VI.

Почти сто лет спустя, совсем в другой духовной обстановке (и в упрёк современности), Томас Манн скажет практически то же в очерке *«Шамиссо»*:

«Немецкий поэт — это ведь кое-что значило в ту пору! Характеристика немцев, как народа поэтов и мыслителей, приобретала тогда своё полное значение <...>. Поэзия — это означало романтизм. Но романтический — означало немецкий <...>. Быть немцем — это означало почти то же самое, что *быть поэтом*» (Манн 1960 {1911}: 456).

Для конца того же XIX века, для кайзеровской Германии, стереотип снова иной: либо учёный-педант, склонный к занудству, либо человек с колоссальным интеллектом и маниакальной жадой господства (профессор Шульце из романа Жюль Верна *«Пятьсот миллионов бегумы»*). Для середины XX в. — стереотип «фрица». А современные немцы, по рассказам тех, кто их наблюдал, не соответствуют ни одному из этих шаблонов. Да и в любую из указанных эпох не все немцы без исключения им соответствовали. Ведь эпоха «Михеля» — в то же время эпоха Лессинга и Карла Вольфа, Гёте и Гердера, барона Мюнхгаузена и Фридриха Великого. Кто-то ведь ставил Михелей лицом к лицу с их карикатурным образом — специально затем, чтобы они перестали быть Михелями! Или все эти люди не были немцами? Или — немцами, но не своего времени?

И разве это секрет, например, для Л. Н. Гумилёва? Не сам ли он рассуждал о «динамике этнопсихологических складов», не сам ли писал о предках — от XIV в. до пушкинского и чеховского времени: «Они такие же русские, а разве они вели себя так, как ведём себя мы? <...> Являемся ли мы по отношению к современникам Пушки-

на иным этносом потому, что ведём себя иначе?» (Гумилёв 1997: 431)? Так что же тут передаётся генетически?

Само понятие «генетической памяти» в таком употреблении — пережиток лармаркизма, веры в наследование признаков, приобретаемых в ходе индивидуальной жизни. Да, культура не беспредпосылочна, но её информация передаётся через другой механизм — культурный код, научение. Даже эмоциональный фон, о котором мы упоминали, зависит не столько от обмена веществ, сколько от того, какое поведение в данном обществе одобряется, какое — нет. Идея «генетической памяти» не оставляет места этому механизму.

Представление о расовой памяти резко отличает Розенберга и Гумилёва от остальных авторов, о которых мы говорим. У Шпенглера и Тойнби такая память исключается уже отсутствием выраженного расизма. Её место занимает память культурная, не передаваемая по наследству. В концепции В. Н. Дёмина в ней попросту нет нужды: её с успехом заменяет крайний культурализм (см. III.4).

В «Ура Линде» понятие генетической памяти естественно должно было бы следовать из понятия чистоты крови. Однако Г. Вирт на генетику внимания не обращал, а Овер де Линден и вовсе не дожил до её появления. Правда, о значении «фризской крови» иногда упоминается. Но статьи 10—11 «Совета Фрейи», основного закона «фризов» (Вирт 2007: 102—103), предостерегая от смешанных браков, ссылаются не на наследственную память, а лишь на дурной пример, который будет подан исполнением чуждых обычаев (ср. Числа 25:1—3, а также Судей 10:6; 4 Царств 17:12,31—41 и др.). Наконец, о взглядах кн. Трубецкого на наследственную память уже говорилось.

III.4. Культурализм

Общество, сообщество вечны, они подчиняются законам постоянным и неизменным, как подчиняются им гигантские солнца и звёзды. Индивид характеризуется шаткостью, нечёткостью решений, нелогичностью поступков, а прежде всего брэнностью. Так вот, мы совершенно уничтожили индивидуализм в пользу коллективизма. На нашей планете существует исключительно сообщество — на ней нет личностей.

С. Лем. Звёздные дневники, Путешествие 13

... Человечество беспощадно употребляет каждую личность как материал для топки своих великих машин; но к чему же тогда эти машины, когда все личности (т. е. все человечество) годны лишь для того, чтобы поддерживать их? Машины, которые суть цель для самих себя, — в этом ли состоит umana commedia⁵⁵?

Ф. Ницше. Человеческое, слишком человеческое, 585.

III.4.1. «Органически обусловленный центр»

Итак, культура определяется наследственностью её создателей. Личность же полностью определяется культурой и является лишь очередным воплощением «типа». Для Розенберга «личность рождается вместе с расой и вместе с нею умирает» («*Persönlichkeit mit einer Rasse zusammen geboren wird und mit ihr gemeinsam stirbt*») — Rosenberg 1934: 34). Отвергая как индивидуализм, так и универсализм

⁵⁵ человеческая комедия (итал.).